

СОДЕРЖАНИЕ

Китай в состоянии неопределенности между прошлым и будущим	5
Что происходит с Китаем и в Китае	9
Трактовка в КНР сорокалетия после смерти Мао Цзэдуна, или Идеология Си Цзиньпина.....	33
Перипетии внутривполитической борьбы в КНР после смерти Мао Цзэдуна	86
Лю Шаоци — альтернатива Мао Цзэдуна	110
Как нам быть и что нам делать «на китайском направлении».....	134
Первые полвека взаимоотношений между КНР и США	161
Вице-президент США Майк Пенс о Китае	195
«Корейское поле» противостояния Америки и Китая	269
Американский фактор в российско-китайских отношениях	295
Что пишут о Даманском полвека спустя в КНР и в РФ.....	306
Об авторе.....	376
Перечень работ автора.....	381

КИТАЙ В СОСТОЯНИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Около ста лет тому назад, во втором десятилетии XX века, в Китае и с Китаем начали происходить перемены. Китай из состояния некоего оцепенения, неподвижности, своего рода политического анабиоза, начал переставать быть «недвижным» и стал приходить в движение. Он начал переставать быть **старым** Китаем и начал превращаться частично, частями во времени и в пространстве, особенно там, где речь шла о мыслителях, о совести и культуре нации, о политических лидерах, в некий **новый** Китай. Иной раз это затрагивало ту или иную часть всей нации Китая на мировой арене, китайский народ на континенте в целом.

Пожалуй, для Китая на протяжении всех последних ста лет более всего характерно промежуточное состояние неопределенности. Китай представляет собой своего рода гремучую смесь старого и нового.

Эти его части сосуществуют, не смешиваются, не происходит и планомерного процесса замены **старого** Китая **новым** Китаем.

Если об этом и говорят, то это в значительной степени остается только словами, сотрясением воздуха. В современном Китае, безусловно, есть новое, но есть, безусловно, и старое, то, что должно было бы со временем отжить.

Старое и новое несовместимы. Пока они сосуществуют, но со временем, очень длительным, можно надеяться на то, что новое все-таки возобладает.

Итак, Китай, сто лет тому назад начав сдвигаться с «насиженного места», уже не является прежним, или **старым**, Китаем и еще не стал целиком и полностью **новым** Китаем. Именно по этой причине и в самом Китае, и в мире в целом речь идет о модернизации Китая, или об обновлении Китая.

Процесс отрыва от прошлого, ухода от того, что тянет народ и страну назад, не дает им обновляться, процесс разрыва с прошлым, с отсталыми многовековыми традициями, с привычным закостенелым образом жизни и образом мышления, с иррациональными представлениями оказался не просто и не только болезненным, но и затяжным, пока просто бесконечным.

Китай находится в подвешенном, гибридном или смешанном состоянии, в состоянии неопределенности.

Он в одно и то же время и как бы оторвался от своего же прошлого, но оторвался далеко не полностью, и еще не приземлился в своем же будущем. Он сто лет тому назад начал свой скачок, или прыжок, из прошлого в будущее и до сих пор завис в этом состоянии начала прыжка из прошлого в будущее. Причем речь идет о процессе, который скорее всего можно называть именно попыткой прыжка, рывка, скачка, а не плавного или естественного перехода из одного состояния в другое состояние.

Мы предпринимаем попытку понять, что в настоящий момент, на рубеже второго и третьего десятилетий XXI века, происходит в Китае и с Китаем. Обратим внимание на совокупность лозунгов, которые выдвигают власти в Китае. На начавшуюся сразу же вместе с объявлением об образовании КНР борьбу внутри страны по вопросу о пути ее развития. Борьбу, связанную в свое время с именем Лю Шаоци — альтернативой Мао Цзэдуна. А также попытаться уяснить себе, как нам в нашей стране, учитывая и то, что происходит в Китае, и его политику в отношении нашей страны, можно было бы организовать работу «на китайском направлении». Наконец, сопоставить представления о своих двусторонних отношениях руководителей КНР и США.

На рубеже второго и третьего десятилетий XXI века сошлись несколько дат, или вех, говорящих о том, что происходит в Китае и что происходит с Китаем.

Это прежде всего сорокалетие с начала движения Китая из тупиков, в которые страну завел своей политикой Мао Цзэдун. Такое движение стало возможным и необходимым после ухода с политической сцены и из жизни Мао Цзэдуна. С его смертью исчезла, воз-

можно, главная в то время, громадная преграда на пути движения Китая вперед, к прогрессу, к свободе и демократии.

Это полвека с того момента, когда США и КНР начали устанавливать контакты и связи между собой. Сам этот процесс является естественным. В то же время у каждой из этих двух сторон есть свои представления и о мире в целом, и о своей роли на планете. Процесс взаимного знакомства, узнавания оказался сложным и затяжным. Подлинного взаимопонимания здесь пока еще нет.

Это пятьдесят лет со времени гибели Лю Шаоци, антипода и альтернативы Мао Цзэдуна, политика и мыслителя всекитайских и мировых масштабов, поборника дружбы между нашими народами.

Сам феномен противостояния Лю Шаоци и Мао Цзэдуна — это показатель неизбежной борьбы в Китае, в том числе в руководстве КПК, по вопросу о путях развития страны; процесс борьбы между подлинным движением вперед и, по сути дела, стремлением оставаться во многом на рельсах старого Китая, старых, традиционных представлений, прежде всего о политическом режиме самовластия, да и о роли Китая на планете.

Это пятьдесят лет с момента начала по воле Мао Цзэдуна войны против нас на восточном и западном участках границы. Сам по себе факт неожиданного для руководителей СССР — КПСС нападения на границе, применения оружия, отношения к ним со стороны Мао Цзэдуна как к «новым царям», как к историческому, национальному, классовому и военному врагу нации Китая вызывает глубокие раздумья, говорит о вероятности крутых и неожиданных всевозможных поворотов в политике руководителей Китая, последователей Мао Цзэдуна, по отношению к любой стране.

Это сорокалетие со времени начала по воле Дэн Сяопина нападения на Вьетнам. И это факт, свидетельствующий о способности последователей Мао Цзэдуна осуществить военное нападение на любого соседа Китая, на любую страну, объявив ее при этом «союзником» того государства, которое в тот или иной момент эти последователи Мао Цзэдуна сочтут своим врагом.

Итак, повторим: мы предлагаем читателям познакомиться:

- с нашей трактовкой того, что в настоящее время происходит с Китаем и в Китае;

- с тем, что заявил Си Цзиньпин по случаю 40-й годовщины начала «политики реформ и открытости»;
- с нашей оценкой 120-летия со дня рождения Лю Шаоци;
- с тем, что можно было бы делать в нашей стране «на китайском направлении»;
- с тем, какую оценку состоянию отношений между Китаем и Америкой дали заместитель председателя КНР Ван Цишань и вице-президент США Майк Пенс;
- с трактовкой в КНР итогов встречи Трампа и Ким Чен Ына в Ханое в феврале 2019 года;
- с тем, что пишут о событиях на острове Даманском в КНР и в РФ полвека спустя после того, как это произошло.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С КИТАЕМ И В КИТАЕ

В Китае существует традиция обозначать знаменательные события цифрами. Например:

Шуан ши — две десятки, то есть 10 октября 1911 года, — начало Синьхайской революции. Это, собственно говоря, и может рассматриваться как **начало движения** из прошлого в будущее, момент свержения монархического строя и переход к республиканской форме правления.

У сы — 4 мая 1919 года — **начало движения** за демократию и науку, или движения демократически настроенной китайской молодежи, день **начала движения** борьбы за новую культуру. Это еще один момент **начала движения** от старого Китая к новому Китаю, от старой культуры к новой культуре, даже от старого языка к новому языку, прежде всего в литературе.

Ци ци — 7 июля 1937 года — начало полномасштабной Антияпонской войны, или войны в целях оказания отпора Японии. Это событие также можно видеть как **начало движения** за освобождение от навязывавшегося Китаю иностранного, то есть в то время прежде всего японского господства.

К этому можно было бы добавить *Цзю цзю* — две девятки, то есть 9 сентября 1976 года, — день смерти Мао Цзэдуна. И это важный рубеж в истории современного Китая, когда с физической смертью Мао Цзэдуна закончилась эпоха его правления и открылась возможность **начала движения** по пути к новому, действительно новому Китаю, свободному от пут режима самовластия.

Продолжая обращаться к цифрам, 2019 год можно считать знаменательным, потому что это:

- год тридцатилетия событий на площади Тяньаньмэнь в Пекине;

- год тридцатилетия восстановления нормальных дипломатических межгосударственных отношений между нашими странами;
- год сорокалетия со времени прекращения китайской стороной в одностороннем порядке действия договора между нами о дружбе, союзе и взаимной помощи;
- год сорокалетия нападения армии Дэн Сяопина на Вьетнам;
- год сорокалетия с начала осуществления в Китае «политики реформ и открытости»;
- год пятидесятилетия начала контактов и связей между КНР и США;
- год пятидесятилетия со времени гибели Лю Шаоци;
- год пятидесятилетия нападения армии Мао Цзэдуна на границе на нашу страну;
- год шестидесятилетия восстания в Тибете и, как его следствие, начавшейся через три года войны Китая с Индией;
- год семидесятилетия объявления о создании КНР и установления дипломатических отношений между СССР и КНР;
- год семидесятилетия начала упомянутого движения 4 мая 1919 года.

Все это — вехи, «китайские вехи» либо **начала движения**, либо приостановки в движении от старого Китая к новому Китаю.

Вспомнив об этих датах, можно обратиться к тому, что все это означало в истории международных отношений, о чем необходимо задумываться, отвечая себе на вопросы о том, что происходит в Китае и что происходит с Китаем.

Прежде всего необходимо исходить из того, что Китай в настоящее время представляет собой особую и отдельную часть человечества, часть нашей планеты, своеобразный **«особый район планеты Земля»**.

В свое время штаб-квартира Мао Цзэдуна в Яньани представляла собой **«особый район Китая»**. С тех пор упомянутый «район» сначала расширился, включив в себя континентальный Китай, а затем, особенно в последние сорок лет, начал «выходить» за прежние

пределы, «переваривать», предпринимать попытки превращать те или иные места на Земле в свои составные части.

Более того, начинает все явственнее ощущаться противостояние между Китаем и остальным человечеством. Причиной этого противостояния выступает осуществление руководителями КПК — КНР их глобальной стратегии, направленной на то, чтобы занять место «главного распорядителя» делами человечества или земного шара.

Происходящее в Китае вызывается главным образом, если не исключительно своими, китайскими, внутренними причинами.

Процессы, происходящие в Китае, настолько самостоятельны, что есть основания говорить о том, что это означает, что только Китай имеет возможность оказывать все большее воздействие или влияние на окружающий его мир, и при этом окружающий Китай мир, прежде всего в силу своей раздробленности, оказывается в положении, когда он не может хотя бы в какой-то степени влиять на Китай.

Китай оказывается в своем «движении» все более независимым от внешнего мира, способным оказывать свое воздействие.

В то же время внешний для Китая мир, остальное человечество, оказывается во все возрастающей зависимости от Китая.

Внешнее воздействие на Китай любой страны или части мирового сообщества, даже всего остального сообщества, еще может играть некоторую роль. Однако все это не определяет то, что происходит в Китае, что происходит с Китаем.

Китай раздирается противоречивыми желаниями: с одной стороны, «быть как все», то есть как наиболее успешные, прежде всего в экономике, в сфере материального благополучия, части человечества, и в то же время продолжать навязывать себя как якобы образец, пусть «пока» в истории, наилучшего управления делами всего человечества, как того, кто, дескать, открыл, в теории и на практике, в стратегии и тактике, свой исключительно китайский путь, который человечество, остальное человечество, должно признать путем создания «сообщества общей судьбы человечества», признать «китайскую мечту» общей мечтой остального человечества.

Китай, начиная условно с Опиумной войны 1840 года, прошел несколько стадий в своем отношении к человечеству, что сказыва-

ется и на ситуации в Китае в настоящее время: от узнавания и познания того факта, что вне Китая существует остальное человечество, через предъявление остальному человечеству «исторических счетов» за «обиды» и «унижения», нанесенные нации Китая остальным человечеством, к претензиям на наилучшее в истории управление делами всего остального человечества.

До Опиумной войны (или даже до XVII века) Китай существовал, будучи, как ему, вероятно, казалось, навсегда отгорожен в своей ойкумене горами, тайгой, океанами от остального человечества.

Оно, это остальное человечество, в сознании китайцев существовало как «варвары». Как нечто находящееся «на периферии» и ждущее приобщения к единственной и самой высокой культуре и цивилизации, цивилизации нации Китая. Ждущее, пока Китай — *Чжун го*, Центральное государство во всей Поднебесной — распорядится судьбой этих несчастных «варваров», этой «периферии».

В собственно китайском плавильном котле, как полагали некоторые политики в современном Китае, ханьцы и только ханьцы ассимилировали, постепенно поглощали и переваривали, всех «встречных и поперечных», то есть всех своих соседей.

Мао Цзэдун при встрече с Хрущевым говорил, что мы, китайцы, ассимилировали всех встретившихся нам на историческом пути. Между прочим, именно таким образом и именно при первой встрече с лидером КПСС — СССР после смерти Сталина Мао Цзэдун и довел до него и других руководителей КПСС — СССР эту мысль. Именно она, по замыслу Мао Цзэдуна, очевидно, и должна была отныне, раз и навсегда, определять отношения Китая и России.

Территория современного континентального Китая на 64% состоит из земель, которые исконно принадлежали или принадлежат не ханьцам, а монголам, маньчжурам, тибетцам, уйгурам, людям разных национальностей. Неханьцев в КНР менее десяти процентов населения. Таким образом, для китайцев традиционно привычно действовать в ситуации, когда «один на один» с любым соседом на Земле китайцы (нация Китая) имеют подавляющее численное превосходство.

Процесс включения неханьцев в состав Китая, их ассимиляции, был и продолжает являться длительным и сложным.

Более того, параллельно происходит процесс выхода из состава китайского государства, или, если угодно, из продолжающей существовать под иным названием «китайской империи», ряда ее частей, которые временно находились в этой «империи».

Другими словами, китайская империя оказалась имеющей многотысячелетнюю историю и продолжающей существовать в ином «внешнем виде», но, по сути, сохраняющей политический режим самовластия вплоть до настоящего времени. Тем не менее процесс распада этой империи продолжается.

Вьетнам, Корея, Монголия уже не входят в состав нынешнего государства на китайском континенте, хотя в истории они так или иначе находились в зависимости от Китая.

Складывается ситуация, когда крайне малочисленные по сравнению с ханьцами народы, особенно монголы, сумели уже более ста лет тому назад обрести независимость и самостоятельность и готовы умереть, но не попасть снова под господство ханьцев.

В связи с этим можно обратить внимание на тот факт, что 27 февраля 2019 года встреча лидеров Северной Кореи и Америки состоялась не в Китае, а на территории Вьетнама. И китайцы уже ничего не могли с этим поделать. Не смогли этому воспрепятствовать, хотя, вероятно, и продолжали пытаться извлекать выгоды из развития отношений Северной Кореи и Америки, да и Вьетнама и Америки, выдавая себя за «непременного посредника» в этих отношениях.

Тибетцы и уйгуры ведут упорную борьбу за свое независимое и самостоятельное существование, за свой образ мыслей и свой образ жизни. Эти вопросы имеют скрытый, но существенный фактор: одной из «невидимых» сторон в каждом случае выступают мир буддистов и мир мусульман в целом.

Тайвань, со всеми его аборигенами и «пришельцами с материка», фактически представляет собой государство, существующее уже 70 лет отдельно и наряду с КНР. Тайваньцы считают для себя наивысшей ценностью свободу и демократию, уважение к человеческой личности, ее приоритет перед государством. Они также предпочитают умереть, чем попасть под господство бесчеловеч-

ного политического режима самовластия, существующего в континентальном Китае.

Мало того, Тайвань — это пример того, как часть нации Китая сумела оказаться авангардом нации Китая на пути перехода со стадии **старого Китая** на стадию **нового Китая**.

В связи с этим далеко не случайно то, что властям государства в континентальной части Китая, то есть властям КНР, пришлось согласиться на существование Аомэня и Сянгана в качестве «специальных административных районов». В определенном смысле благодаря этому, этой «уступке» и этой попытке обмануть проживающих там людей или на время успокоить их там поддерживается некое «равновесие», существует некая, в значительной степени декоративная «стабильность».

Повторим, что есть основания говорить о длительном и продолжающемся процессе распада того, что можно продолжать считать «китайской империей».

Вместе с тем, начиная по крайней мере с Опиумной войны в середине XIX века, в толще массы населения Китая, среди ханьцев, возникла и укоренилась искусственно насаждавшаяся властями, порожденная, в частности, исторически сложившимися представлениями о себе как о Центральном государстве на Земле, во всей Поднебесной, иррациональная мысль о том, что внешний мир, с которым стали знакомиться китайцы, нанес обиды Китаю, ущемил его суверенитет, его национальное самосознание и его величие, оказался, таким образом, в неоплатном долгу перед нацией Китая.

С этой точки зрения остальное человечество считается должником Китая. За ним есть:

- «долг крови» (во время «культурной революции» Мао Цзэдуна его подчиненные вывели сотни тысяч людей на демонстрации у посольства СССР в КНР; звучал лозунг *Сюе чжай яо юн сюе лай хуань* — «Долг крови придется платить кровью»; и это было в августе 1966 года, почти за три года до нападения на нас на острове Даманском);
- долг в виде несправедливо начатых и осуществленных войн против Китая;

- долг в виде попыток превращения Китая в колонию или полуконию;
- долг в виде временно утраченных Китаем территорий и акваторий;
- долг в виде подвешенных вопросов о границах и о «неравноправных» договорах о границе;
- долг в виде попыток навязывать китайцам свои представления о религиях и об идеологиях.

На этой основе родилась и существует современная национальная идея (или идеология) Китая, выраженная в лозунге-призыве «Осуществить **великое** возрождение **великой** нации Китая». В последнее время в КНР начали употреблять и термин «обновление». При этом подразумевается и преподносится как нечто неопровержимое, мысль о том, что в истории человечества были времена, когда Китай, нация Китая уже управляла, причем наилучшим образом, «делами человечества».

Эта идея представляет собой проявление гиперационализма, национального эгоизма и национального эгоцентризма Китая. В то же время ныне состояние человечества таково, что в перспективе возможно только равенство всех наций, когда речь идет о «делах всего человечества»; равенство и разнообразие, одновременное признание двух этих понятий представляется единственно приемлемым для человечества.

Принимая это во внимание, важно отметить и подчеркнуть, что упомянутая национальная идея последователей Мао Цзэдуна, руководителей современных КПК — КНР — это наступательная идеология, наступательная глобальная стратегия. Когда речь идет о столь многочисленной нации, как нация Китая, очевидно, что существует необходимость чрезвычайно внимательно и настороженно относиться к характеру глобальной стратегии тех, кто оказывается «у руля» в Китае.

При этом остальное человечество, все его составные части, в той или иной степени, раньше или позже, уже подвергались или будут подвергаться нападению, давлению, оказываться в состоянии обороны, сопротивления наступлению последователей Мао Цзэдуна, которые фактически не признают принципы вечного

мира, полной независимости и абсолютного равноправия всех наций на Земле.

При таком взгляде на вещи, по сути дела, нет места ни для равноправия наций, ни для их самостоятельности и независимости, ни даже для вечного мира или мирного сосуществования на Земле. Далеко не случайно Си Цзиньпин, говоря, в частности, о Тайване, утверждает, что он и его приверженцы никоим образом не отказываются от применения силы, если они сочтут это необходимым.

В XIX веке в Китае на протяжении 14 лет бушевало массовое движение, или восстание, или война, появился термин *Тай пин тянь го* — «небесное государство великого благоденствия (покоя или спокойствия)» или «государство тайпинов», сторонников христианства или его особого проявления в Китае.

Это закончилось поражением тайпинов.

Некоторые авторы в Китае писали, что до начала Тайпинского восстания население Китая составляло 400 миллионов человек, во время восстания погибло 160 миллионов, после подавления восстания осталось 240 миллионов человек.

Если даже эти цифры и не верны, масштабы происходившего, особенно число погибших людей, потрясают. В то же время в этом свете можно воспринимать и рассуждения Мао Цзэдуна в 1957 году на международном совещании в Москве о гибели трехсот миллионов китайцев в будущей ядерной войне: «зато с империализмом будет покончено».

И в то же время очевидно, что в Китае относительно быстро восполнили и до сих пор восполняют и наращивают численность населения страны, уменьшавшуюся временами по разным причинам.

Все это сказалось и продолжает сказываться на настроениях людей в Китае.

Таким образом, в Китай еще до появления там «иностранных идеологий» пришла «чужая» религия, появились своеобразные или самобытные, исключительно китайские, понимание и трактовка христианства, а китайские власти того времени подавляли эту попытку изменить образ жизни и образ мыслей в Китае, собственно говоря, изменить и сам Китай.

Далее, как отмечал, в частности, председатель, а затем генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, в Китай еще раньше марк-

сизма пришли «две госпожи»: «**госпожа Демократия**» и «**госпожа Наука**». Очевидно, что это произошло в XIX веке и в начале XX века.

Здесь важно обратить внимание на то, что сам процесс начавшегося обновления Китая был и вплоть до настоящего времени остается неразрывно связан с марксизмом, с демократией, с наукой, с представлениями обо всем об этом в Китае и с попытками осуществлять все это или противодействовать осуществлению того или иного, в частности, осуществлению того, что понимается под марксизмом на практике.

Знакомство китайцев с иностранцами, Китая как нации с остальным человечеством, начиная с XIX века предстает и как попытка проникновения в Китай и неких религий и идеологий, и представлений о науках.

Хотя в истории гораздо раньше произошло «пришествие» в Китай буддизма. Знаменитый китайский ученый Ху Ши считал, что сначала буддизм попытался обосноваться в Китае как своего рода «завоеватель умов»; потом настал период «борьбы» между китайскими и некитайскими представлениями о буддизме, период «одомашнивания» буддизма; и все завершилось тем, что в Китае остался и прижился своего рода не «чужой», а свой, «родной», можно сказать, «домашний» или «семейный» китайский буддизм.

Именно этот буддизм и начал оказывать свое воздействие на другие народы и страны наряду с тибетским или индийским буддизмом. В то же время к настоящему времени ясно, что впереди еще долгий путь к тому, чтобы все те, кто считают себя буддистами, нашли общее понимание того, что это такое, или, что более вероятно, договорились о разумном и мирном сосуществовании. Что же касается буддизма в Китае, то оказывается, что эта религия, проникнув в Китай из-за его пределов, со временем была «освоена» в Китае, и нынешний континентальный Китай создал ситуацию, при которой от буддистов в Китае и вне Китая требуют признавать верховенство властей КНР.

Одним словом, все это свидетельствовало о том, что в истории до сих пор знакомство китайцев с иностранными веяниями в области религии и идеологии заканчивалось превращением «чужого»,

иностранным в «свое», китайское, специфически китайское, само-бытно китайское или исключительно китайское.

В какой-то степени проявлением этого общего процесса явилась и замена монархии в Китае республикой — появление вместо *Дай Цин Ди Го* (великой Цинской империи) *Чжун Хуа Минь Го* (Республики Китая или Республики нации Китая / китайской нации). Термин «республика» в Китае приняли на вооружение. Однако вложили в него свое содержание. Так обстоит дело и в настоящее время.

Это сопровождалось появлением настроенной одновременно и республикански, и националистически *Чжун Го Го Минь Дан* — партии Гоминьдан Китая.

Так часть китайцев в конце XIX — начале XX века создали эту свою партию. В ее названии одновременно присутствуют понятия «страна», «государство», «отечество», «родина» и понятия «народ», «нация».

Другая часть китайцев создала в начале третьего десятилетия XX века свою партию: *Чжун Го Гун Чань Дан* — Коммунистическую партию Китая, или Партию общего имущества (общности имущества) Китая. В ее названии присутствует и понятие «Центральное государство», то есть Китай, и «общее имущество», то есть своего рода «общность всего и вся», включая население страны, все частицы нации Китая.

При этом в процесс внутреннего развития Китая вмешался (или сделал усилия принять в этом «участие»), нашел в Китае тех, кто в своих целях допустил и использовал это «участие») еще некто извне Китая: «марксизм», «Коминтерн», «Советская Россия», РКП — ВКП(б) — КПСС.

Произошло временное соединение, объединение усилий китайских и советских коммунистов.

При этом и с той, и с другой стороны были и те, кто действительно исходил из необходимости находиться в союзе и дружбе, и те, кто фактически хотел бы использовать ситуацию исключительно или по преимуществу в своих интересах.

Со стороны Коминтерна и русских коммунистов это изначально было представление о том, что существуют некие «общие классовые интересы», которые соединяют коммунистов, пролетариев

всех стран, и являются более значимыми и более важными по сравнению с любыми иными интересами.

Все это происходило в ситуации, когда Коминтерн, советские коммунисты имели возможность оказывать существенную помощь китайским коммунистам и оказывали такую помощь, делая это совершенно искренне, оставаясь исключительно внешним фактором для Китая.

Китайские коммунисты нуждались в такой помощи, принимали ее. Внутри КПК разные люди относились к этому по-разному. Кто-то искренне считал себя и русских коммунистов братьями по классу, друзьями, товарищами, союзниками. Такими были Цюй Цюбо, Ван Мин, Лю Шаоци. Кто-то исходил из необходимости временно пользоваться этой помощью. Однако при этом относился к русским коммунистам с подозрением и, не имея на то оснований, обвинял их в навязывании китайцам своего контроля и господства. Таким был Мао Цзэдун. Такими были его приверженцы и последователи, прежде всего Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин.

При этом на практике стороны, советские (или русские) и китайские коммунисты, не могли ничего существенного навязывать друг другу и, по сути дела, ничего такого и не навязывали друг другу. Каждая сторона, и коммунистическая партия в России, и коммунистическая партия в Китае, оставалась в своих прежде всего внутренних, но и во внешних делах, по сути дела, полностью независимой, самостоятельной, равноправной. Конечно, тогда существовала такая организация, как Коминтерн, что придавало отношениям между коммунистами разных стран свои особенности, вызванные необходимостью совместно обсуждать и решать целый ряд общих вопросов.

Здесь важно отметить, что, очевидно, вся уже сложившаяся к тому времени история двусторонних отношений научила и побудила русскую сторону ничего не навязывать китайской стороне.

Интуитивно в России и тогда ощущали, что отношения с китайцами возможны и должны быть только на равных, и действовали именно так.

При этом помощь и содействие с этой стороны китайским коммунистам, по сути дела, всегда были и существенными, вполне материальными, и искренними. Это уникальное явление во взаимо-

отношениях между народами и странами, то есть между нациями на нашей планете.

Как внешний фактор помощь со стороны СССР оказалась на некоторое время необходима обоим упомянутым политическим силам (или партиям) в Китае, то есть и Гоминьдану (ГМД), и КПК. Они нуждались в объединении всех усилий в борьбе против своих противников и между собой за власть над Китаем, за создание единого китайского государства. В 1920-х годах на несколько лет общие интересы свели вместе советских коммунистов, гоминьдановцев и китайских коммунистов.

Так возникла ситуация, при которой для всех трех сторон, для СССР, КПК, Гоминьдана, оказалось естественным появление одновременно взаимоотношений сотрудничества и помощи между СССР и Гоминьданом, с одной стороны, и СССР и КПК, с другой стороны. Естественным оказалось сотрудничество двух наций — русских и китайцев — в ситуации, когда одна из этих наций, русские, сотрудничала одновременно с разными частями, с двумя частями другой нации — нации Китая. Из этого вытекает и ныне осуществляющийся принцип, требующий от России иметь связи того или иного возможного характера со всеми частями нации Китая, то есть в настоящее время и с континентальным, и с островным Китаем. Обе части нации Китая либо используют такую возможность, либо вынуждены мириться с этим.

Когда же в 1920-х годах задача создания единого китайского государства была в основном, на том этапе истории решена, прежние союзники, прежние политические силы, сотрудничавшие между собой внутри Китая, оказались в состоянии междоусобной борьбы.

Внутри Китая со временем возникло противостояние между Китайской Республикой и китайской советской, или коммунистической, властью, между партией Гоминьдан Китая и Коммунистической партией Китая.

И если восстание тайпинов было практически полностью, или исключительно, или собственно, китайским порождением, а появление Республики Китая было результатом борьбы внутри самого Китая, особенно борьбы против господства неханьской династии, маньчжурской династии, то есть если при этом внешний фактор

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru